

Душа серебряного века

И. П. Павленко

Волошин, Волошин, Волошин, как он всегда прав! В самом начале Первой мировой войны он оказался за границей, но из Парижа шли стихи страждущие, негодующие. Кажется, он первый в России заговорил против войны, он и Ромен Роллан. Макс (так называли Максимилиана Волошина близкие друзья) любит людей и поэзию и ее - Софью Парнок, стихи ставит очень высоко.

«Я очень радуюсь, что Вам нравится Софья Яковлевна, - писал Волошин. - У нее удивительный тембр голоса. А вы полюбили ее стихи? По-моему, это не менее прекрасно, чем она сама. А это очень много...».

- Сегодня Соня читает! Мы слушаем, — голосом, не терпящим возражения, Цветаева наводит тишину на террасе макиного дома в Коктебеле.

Все двенадцать человек тихо устраиваются поудобнее. Открытый воздух, крымский пейзаж, за спиной видны холмы с редкими домами, а впереди, насколько хватает глаз, необозримое море и взрывы волн - как метроном...

- К чему узор! Мое любимое! - просит Марина.

Живым, медленно вздымающимся, как волна, ровным «бархатным» голосом Соня начинает читать, но вот волна голоса наливается «свинцом» и к концу чтения «чернеет»:

К чему узор расцвечивать пестро?

Нет упоения сильней, чем в ритме.

Два такта перед бурным болеро

Пусть оркестр гремучий повторит мне.

Не поцелуй - предпоцелуйный миг,

Не музыка, а то, что перед нею, -

Яд предвкушений в кровь мою проник

И загораюсь я, и леденею...

...Соня, Софья Яковлевна Парнок, красивая молодая женщина. Она смотрит на меня со всех разбросанных по столу фотографий. Оценка красоты любого лица - дело глубоко субъективное. Но я ловлю себя на мысли, что не могу оторвать взгляд от искусно вырезанных творцом «дерматовских» глаз. Я понимаю, что эти глаза могут отражать все: лирическую задумчивость, нежность, они никогда не выражают вызова, но на всех фото во взгляде так или иначе читается боль, боль от какой-то громадной внутренней работы, я бы даже сказал - борьбы, где нет побед, но есть потери...

Вот самая ранняя таганрогская фотография с куклами, ей 5 или 6 лет. Да-да, именно в эту пору и потрясла ее первая страшная беда. В 1891 году, когда Соне еще не было 6 лет, рухнул ее привычный детский мирок. Едва достигнув 38 лет, умирает мама Александра Абрамовна Парнок, явив на свет двойняшек, Сониных младших брата и сестру, Валентина и Елизавету.

Маму она плохо помнила, знала, что та была из старинной таганрогской семьи, где любили и понимали музыку и литературу. Она окончила в Петербурге врачебные курсы и входила в первый в России выпуск девятнадцати женщин-врачей.

Отец был провизором и владельцем аптеки, состоятельным человеком, жертвователем, почетным гражданином Таганрога, членом городской Думы, а также участником первой переписи населения Таганрога, куда назначали далеко не каждого желающего. Его предки бежали от погромов в Испании в XV веке, и вот волею судьбы они в XIX веке осели в

Таганроге. Семья Парнок без сомнения входила в культурную и интеллектуальную элиту Таганрога.

Как и большинство местных евреев, религией семья не интересовалась, все дети воспитывались в первую очередь как русские, в русской культуре, хотя Яков Соломонович болезненно переживал антисемитизм и иногда вздыхал и приговаривал: «О, если б я мог жить в Европе...»

Особой духовной, дочерней близости к отцу Соня не испытывала, особенно после очередного потрясения, когда после смерти мамы отец женился на гувернантке, которую дети душою так и не приняли. ...Соня обводит взглядом присутствующих слушателей, взор ее устремляется вдаль, навстречу аккомпанементу набегающих волн:

Я не знаю моих предков - кто они?

Где прошли, из пустыни выйдя?

Только сердце бьется взволнованней –

Чуть беседа зайдет о Мадриде.

- О, как чудесно! - воскликнула Анастасия, сестра Марины.

- Еще, еще! - просят остальные слушатели.

Соня смотрит на Лизу, на тоненький силуэт младшей сестры. Она меньше ростом, подвижная, большеглазая в черных кудряшках. Даже спустя много лет, став автором многих книг для детей, Елизавета Тараховская мало изменится. Ее всегда будут выдавать эти смеющиеся, живые, большие глаза и полуулыбкой рот. Маленькая Лиза тоже пишет стихи и внимательно слушает Сонины стихи.

Я люблю в романах все пышное и роковое –

Адский смех, наполненный ядом клинок...

А наша повесть о том, что всегда нас двое,

Что, друг к другу прильнув,

Я одна и ты - одинок...

...Она любит Крым, как первую любовь, эти синие дали, минареты, гортанную речь, несущуюся от дороги. Воздух напоен запахом горячего хлеба, ароматом магнолий и маслин, эта земля еще мало колонизирована и имеет непередаваемое мавританское очарование. От запахов кружится голова.

Боже мой!

Счастье опять!

Ведь в Крыму я!

Вечных красот та же тьма...

Жду, как тогда, твоего поцелуя,

Снова томлением полна!

Соня как будто слышит музыку, музыка играет огромную роль в ее жизни, и она не может слушать ее без волнения. Стихи Парнок музыкальны. Если бы у нее было больше честолюбия и трудолюбия, она стала бы профессиональным музыкантом, у нее, несомненно, был музыкальный, а может быть, и композиторский талант.

Крым, сам воздух для Сони расцвечен красками, красками первой любви. Имя этой любви - Надежда Павловна Полякова, она пять лет будет направлять эмоциональную жизнь Парнок, вдохновлять ее любовную юношескую лирику.

Парнок с детства чувствовала, что не похожа на других девочек, но воспринимала это как знак превосходства. Конечно, у нее было много друзей обоего Вола, но многочисленные предложения молодых людей, включая сына папиного друга Йофа, оставляла без 'Внимания. Соня никогда не любила ни одного мужчину, этого ей не дано было от природы.

Яков Соломонович обнаружил, что не может найти общий язык с дочерью. Впрочем, на отца она обиделась и не считалась с ним. Отец же оплачивал содержание дочери вплоть до своей смерти в 1913 году.

Таганрогскую Мариинскую гимназию (1894-1903) Соня окончила с золотой медалью, жила в Швейцарии, где познакомилась с семьей Плеханова, училась в Женевской

консерватории, занималась на Бестужевских курсах.

Когда Полякова исчезла из жизни Сони, единственный человек, который интересовался ею, был Владимир Волькенштейн. Очень интеллигентный человек, Стихи которого казались ей трогательными. Он знал ее Достаточно хорошо, и казалось, ничего не имел против ее «вкусов» и не вмешивался в эту область ее жизни. Она с нежностью относится к Владимиру, у них общие Взгляды, их мнения по ряду явлений совпадают, у них много общих друзей.

Правда, она его не любила, но свойственное ей радостное возбуждение по отношению к Владимиру иногда казалось со стороны, например, их другу Михаилу Гнесину, именно проявлением любви. Нет, любить она Может только женщин. В сентябре 1907 года Парнок и Волькенштейн поженились.

Наконец-то этот факт примирит ее с взглядами семьи и общества, она будет жить и творить в Петербурге, начнется новая жизнь, которая приведет ее к славе, и, конечно же, она очень хочет ребенка! Свершится основополагающая заповедь - «Человек прилепится к жене своей, и будут жить, как одна плоть», ибо сказал Господь «Плодитесь и размножайтесь». Все вышеописанное превратилось в дым, как только Соня узнала, что физически не может иметь детей...

- Соня устала? - это подошла Марина Цветаева, стройная, как юноша, круглолицая и светловолосая.

Грубо «скроенной» рукой чернорабочего, униженной огромным количеством цыганских колец и браслетов, она коснулась нежной Сониной ручки. Щелкнул портсигар, тонкие Сонины пальцы несут ко рту мундштук с папиросой - затяжка, клуб дыма, слышится ее низкий, чуть хриплый голос:

- Идем ужинать?

Как эффектно они вдвоем! Марина - высокая и стройная, с пышной прической, в платье, узком в талии, широком внизу, и Соня - чуть ниже, с большими грустными глазами, в вязаной куртке с отложным воротником. На литературных вечерах они появлялись вдвоем. Надолго ли? Все эти связи так скоротечны, и каждый раз, когда ее бросают, Парнок впадает в суицидальную депрессию.

В 1909 году Парнок тяжело разводится с Волькенштейном. Владимир не соглашался на развод, пускался на различные ухищрения, например, «открыл глаза» Лизе и Валентину, что их сестра бросает его в угоду нетрадиционной любви. Они прожили два года. Казалось, все было для счастья: обширный круг знакомых - Софья Чацкина, Яков Сакер, Александр Блок, Вячеслав Иванов, Федор Сологуб, Анна Ахматова, Кузьмин, Волошин и т.д., общие интересы.

«Если бы я осталась с Владимиром Михайловичем, - пишет Соня Л. Гуревич, - то век пописывала бы, а теперь либо я буду писать, либо совсем не буду...» Ее стал тяготить литературный авторитет Волькенштейна и семейные отношения, у которых не было будущего. Получив в апреле развод, она много путешествует по Волге, в Крым и на Кавказ. Публикуется в «Вестнике Европы», «Новой жизни» (под псевдонимом Андрей Полянин), «Русской молве», переезжает в Москву.

В Россию она влюблена с детства, в отличие от брата Валентина, у которого ненависть к России все больше возрастала. Россия у нее - и «ребенок», и «мать», а Израиль - «старый» и «многострадальный».

«Если бы меня спросили, какая самая разительная, самая русская черта русского человека, я бы с полным убеждением сказала: неумение любить свое отечество. Старое правительство воспитало в поколениях неуважение к родине, но от любви ведь не излечивают никакие разочарования, потому что любовь - в крови. Если русские излечились от любви к России, то, значит, никакой любви и не было». Это было написано в феврале 1917 года.

Парнок осталась со своей Россией неслучайно, как неслучайно уехала в эмиграцию Цветаева, как неслучайно осталась со своим народом Ахматова. Кто мог бы сказать еще с

такой нежностью о России, как эта таганрогская еврейка:

*Я не верю, что за той межою
Вольный воздух, райское житье.
За морем веселье, да чужое,
А у нас и горе, да свое.*

В 1913 году Парнок принимает крещение по православному обряду. Судя по письмам Софии Яковлевны последних лет, где постоянно проявляется ее религиозность, крещение было сознательным и искренним поступком. Она сотрудничает в «Северных записках», «Русской молве», пишет большую повесть, работает над либретто оперы «Гюльнара». В 1914 году знакомится с Цветаевой, бурное начало романа...

...Парнок вошла в гостиную Аделаиды Герцык (знакомство с сестрами Герцык сыграло важную роль в личной жизни Сони, в ее выборе именно православной веры) в вязаной черной куртке с «крылатым воротником». Огонь потрескивал за каминной решеткой, в воздухе пахло чаем и духами «Whit Rose».

К Парнок подошли и сказали, что здесь молодая поэтесса, с которой ей надо познакомиться. Она встала, чуть наклоняя голову, в характерной позе, кусая палец чик. И тут впервые она заметила молодую женщину с короткими светлыми волосами, которая поднялась «беспричинным движением», чтобы приветствовать ее. Их окружили гости.

- Знакомьтесь же, господа! - пошутил кто-то.

Парнок вложила свою руку в руку Цветаевой «движеньем длинным». Когда Соня вынула папиросу, Марина, войдя в роль «рыцаря», инстинктивно поднесла ей спичку. Они выпили, и взгляды их скрестились. «О, будьте моим Орестом!» - подумала Цветаева. Позже она напишет:

*И лоб Ваш властолюбивый
Под тяжестью рыжей каски,
Не женщина и не мальчик,
Но что-то сильней меня!*

Цветаевой было 23 года, она была замужем за Сергеем Эфроном, ее дочери Ариадне исполнилось 2 года. Это было ее не первое и не последнее увлечение женщинами. Общественному мнению был брошен вызов. Последовало резкое осуждение друзей и близких.

Напряженную обстановку взялась разрядить Е.О. Кириенко-Волошина. Разговор с Парнок состоялся. «...Я вчера была у Сони, и проговорили мы с ней много часов, и было у нее в речах много провалов, которые коробили меня, и были минуты в разговорах, когда мне было стыдно за себя, за то, что я говорила о ней с другими людьми, осуждая ее, или изрекала холодно, безапелляционные приговоры, достойные палача...» (из письма к Ю.Л. Оболенской 15 февраля 1915 года).

Имеем ли мы право осуждать их? Конечно, нет. Право судить имеет только Господь Бог: «Не судите и не судимы будете». Эти женщины сами себя осудили.

«Когда я оглядываюсь на мою жизнь, я испытываю неловкость, как при чтении бульварного романа... Все, что мне бесконечно отвратительно в художественном произведении, чего никогда не может быть в моих стихах, очевидно где-то есть во мне и ищет воплощения, и вот я смотрю на мою жизнь с брезгливой гримасой, как человек с хорошим вкусом смотрит на чужую безвкусицу» (из письма С. Парнок Л.Я. Гуревич 10 марта 1911 года).

«Уже тем, что я люблю человека этой любовью, я предаю Того, кто ради меня и ради того другого принял смерть на кресте» (М. Цветаева).

В 1992 году, в 100-летний юбилей со дня рождения Марины Цветаевой, Патриарх Алексей II совершил отпевание Цветаевой (самоубийцы!). На вопрос: «Что позволило сделать исключение для Цветаевой?» Патриарх ответил: «Любовь народная». И больше ни слова не добавил.

Чтобы истинное прощение могло состояться, человек должен иметь в себе много любви. Потому что истинное прощение - это и есть любовь. А любовь есть Бог. Одной простой фразой

Иисус ответил фарисею Симону, на вопрос, почему он не отвергает грешницу: «Прощаются грехи ее многие за то, что она возлюбила много, а кому мало прощается, тот мало любит...» (Лук. 7,47).

В 1917 году Соня уехала в Судак (Крым), где прожила до 20-х годов. Здесь познакомилась с композитором А. Спендиаровым и по его просьбе начала работу над либретто оперы «Алмаст». Позже, 24 июня 1930 года, в Большом театре состоялась премьера оперы, которая прошла с триумфальным успехом.

В 20-х годах в Крыму начались боевые действия, старый мир рухнул окончательно. Начались засуха, голод... Зимой 1921 года Соню арестовали, весной ее, туберкулезную, выпустили. Летом снова засуха, голод, болезни. В письме к Ю.Л. Вейсберг Соня пишет: «Милая Юля, настроение у всех убийственное. Жить почти невозможно. Поэтому стихов у меня довольно много».

...Литературный вечер в доме Волошина подошел к концу, гости спустились в голубую гостиную к накрытому столу.

Анастасия Цветаева запишет: «Я была в восторге от Сони. И не только стихами ее я, как и все вокруг, восхищалась. Вся она, каждым движением своим, заразительностью веселья, необычайной силой сочувствия каждому огорчению рядом, способностью войти в любую судьбу, все отдать, все повернуть в своем дне, с размаху, на себя не оглядываясь, неумная страсть - помочь. И сама Соня была подобна какому-то произведению искусства, словно оживший портрет первоклассного мастера, ожившее чудо природы! Побыв полдня с ней, в стихии ее понимания, ее юмора, ее смеха, ее самоотдачи, от нее выходила, как после симфонического концерта, потрясенная тем, что есть на свете такое...».

Соня умерла 26 августа 1933 года в селе Карийском Московской области от разрыва сердца. Не стало одного из лучших русских поэтов Серебряного века.

Похоронена она на Немецком кладбище в Лефортовском районе Москвы. На ее могилу и сегодня кто-то приносит живые цветы...

«Мы последний цвет, распустившийся под солнцем Пушкина, последние, на ком играет его прощальный луч, последние хранители высокой, ныне отживающей традиции. С нами отмирает, конечно, не поэзия, как художественное творчество, а пушкинский период ее, то есть поэзия как духовный подвиг...» - так писала София Парнок еще в 1922 году.

А незадолго до смерти она написала вот это:

Будем счастливы во чтобы то ни стало...

Да, мой друг, мне счастье стало в жизнь!

Вот уже смертельная усталость

И глаза, и душу мне смежит.

Вот уж, не бунтуя, не противясь

Слышу я, как сердце бьет отбой.

Я слабею, и слабеет привязь,

Крепко нас вязавшая с тобой.

Вот уж ветер вольно веет выше, выше.

Все в цвету, и тихо все вокруг.

До свиданья, друг мой! Ты, не слышишь?

Я с тобой прощаюсь, дальний друг!

Литература

1. А. Цветаева. «Чтение стихов Софии Парнок».
2. Диана Левис Бургин. «Мать природа против амазонок».
3. Диана Левис Бургин. «София Парнок. Жизнь и творчество русской Сафо»
4. Е. А. Калло. «Вступительная статья в сборнике «Sub rosa»

5. С. Пинаев. «Гнездо семьи Парнох»
6. Е. Тараховская «Первая встреча с М. Цветаевой»
7. С. Макаренко. «София Парнок. История Русской Сафо»
8. Г. Н. Горчакова. «...Бесчудесный подвиг мой!»
9. Письма Софии Яковлевны Парнок

ЦГТБ имени А. П. Чехова